

О.Ю. ГЛУХОВА

КАТЕГОРИЯ ХРОНОТОПА В СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ

Аннотация: В статье в первом приближении изучаются эвристические возможности использования понятия «хронотоп» как категории социальной онтологии. Рассматривается специфика категорий пространства и времени в науках о природе и категории хронотопа в науках о культуре; делаются выводы об их мировоззренческом значении.

Abstract: The article offers a first approximation to heuristic value of a concept of «chronotope» as a social ontological category. It also touches upon the specifics of categories of space and time in natural sciences categories and of chronotope in a cultural sciences. The conclusions on their world-view implications are offered.

Ключевые слова: социальная онтология, пространство, время, науки о природе, науки о культуре, жизненный мир, хронотоп.

Keywords: social ontology, space, time, natural sciences, cultural sciences, lifeworld, chronotope.

Категории пространства и времени в социальной теории: к постановке проблемы. Вопрос о специфике пространства и времени как онтологических и эпистемологических категорий социогуманитарного познания сегодня становится особенно актуальным в связи с изменившимися реалиями жизни общества.

Достижения научно-технического прогресса, подчиняющие само пространство и время нуждам человека и ранее существовавшие лишь в творческих мирах самых непредубежденных фантастов и визионеров, — ныне становятся простой обыденностью и существенно меняют наши представления о фундаментальных свойствах пространства и времени. Наиболее отчетливо это проявляется применительно к средствам массовой информации и коммуникации, особенно сети Интернет, явившей собой своеобразную манифестацию идеи единого социального пространства-времени.

Задача переосмысления понятий пространства и времени как категорий социальной онтологии, изучения сходств, различий и взаимосвязи их с пространством и временем в системе естественнонаучного знания — все это неизменно остается предметом философских дискуссий в наши дни. Не раз поднимавшийся философами вопрос построения социальной онтологии, учитывающей специфику категорий пространства социального и времени исторического, которые обобщенно можно именовать пространством-временем жизненного мира, или жизненным пространством-временем, приобретает импульс к дальнейшему обсуждению в контексте довольно уже детально разработанного дискурса о категории хронотопа в социальнoгуманитарном знании.

Хронотоп (от др.-греч. χρόνος — «время», τόπος — «место») можно определить как «конкретное единство пространственно-временных характеристик для конкретной ситуации»¹, как социально обусловленное и ценностно нагруженное «реальное историческое время и пространство»² в их взаимосвязи и взаимовлиянии. Термин этот вошел в употребление «наук о культуре» через литературоведение благодаря творческому наследию М.М. Бахтина, и в настоящее время приобретает все больший резонанс в социогуманитарном и философском познании. Изначально же данный термин использовался лишь для нужд биологии и нейрофизиологии (в смысле, заложенном в него А.А. Ухтомским, — в значении неразрывной связи пространства и времени в физиологических процессах деятельности и развития). В самих же «науках о природе» понятие хронотопа распространилось под влиянием теоретических достижений А. Эйнштейна и Г. Минковского, которые, как известно, изучали зависимость между описанием физических явлений и выбранной наблюдателем системой отсчета, относительно которой осуществляется такое описание, — на основании чего, соответственно, ими была разработана теория относительности. Особенность понимания пространства и времени в данной теории состоит в том, что время здесь рассматривается как один из параметров размерности пространства, поскольку в зависимости от скорости движения физического объекта относительно координат наблюдателя время для объекта может ускоряться или замедляться.

Вообще говоря, отмеченные релятивистские нововведения, раздвинувшие наши горизонты понимания пространства и времени, закономер-

¹ Микешина, Л.А. Опыт постижения времени в логике и гуманитарном знании // Философия науки и техники. — 1998. — Т. 4, №1. — С. 158.

² Бахтин, М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин, М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. — М.: Худ. лит., 1975. — С. 234.

но нашли отражение во многих социогуманитарных и общефилософских теориях и концепциях, и, прежде чем говорить о специфических чертах и эвристическом потенциале бахтинского хронотопа, необходимо кратко осветить одну его распространенную альтернативу.

Речь идет об одной из наиболее влиятельных социально-теоретических концепций, во многом основанной на релятивистских изысканиях — о небезызвестной «теории структуризации» Э. Гидденса. Напомним, в двух словах, ключевые положения данного теоретического построения.

В отличие от своих предшественников, разрабатывавших фундаментальные концепции общества как закономерно функционирующей социальной системы (например, Т. Парсонса с его «нормативным функционализмом» или Р. Мёртона с его «конфликтным функционализмом»), Э. Гидденс обратил внимание на то, что, даже сосредотачиваясь на функционировании социума, исследователи не придают значения такой важной категории, необходимой для описания любой функции, как категория времени. Они ограничиваются тем, что стремятся «...сделать своего рода “вневременную любительскую фотографию”, но, абстрагируясь от времени, мы можем обозначить лишь функциональные отношения и то, как различные составные элементы социальной системы взаимосвязаны между собой»³. «...Временно-пространственные отношения должны быть принесены в самое сердце социальной теории»⁴.

С этой целью Э. Гидденс концептуализирует собственное видение системных оснований общества, и, чтобы подчеркнуть категорию времени, основополагающую для его концепции, социолог стремится отразить идею времени даже в самом названии: «теория структуризации» (а не теория — закосневшей, неподвижной — структуры). «Гидденс, вероятно, сделал больше, чем кто-либо другой, чтобы показать, что учет времени и пространства является сущностно необходимым для социальной теории и что это может стать средством анализа некоторых важнейших характеристик жизни общества»⁵.

В стремлении обеспечить своим концептуальным построениям надежный фундамент, автор теории структуризации опирался на достижения другого ученого, больше известного в среде географов, чем социологов, — Т. Хагерстранда. Труды этого исследователя приобрели популярность в

³ Giddens, A. *A Contemporary Critique of Historical Materialism*. Vol. 1: Power, Property and the State. — Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1981. — P. 17.

⁴ Ibidem.

⁵ Held, D. *Social Theory of Modern Societies: Anthony Giddens and his Critics* / Edited by D. Held, J.B. Thompson. — Cambridge: Cambridge University Press, 1989. — P. 7.

научной среде, главным образом, благодаря развиваемой в них идее так называемой «пространственной диффузии инноваций» — географического распространения новых технологий, — оригинальность которой заключалась в том, что автор, в отличие от своих предшественников, поставил во главу угла фактор времени распространения инноваций.

К истокам теории структуриации: категориальный аппарат временной географии в социальной теории. Ранее временной фактор фигурировал в географических исследованиях лишь привходящим образом, то есть индивидуально значимые ограничения человеческой деятельности, связанные со временем (такие, как свободное время, распорядок дня и т.д.), в географическом масштабе считались не столь важными. Заслуга Т. Хагерстранда состояла в том, что он обратил внимание научного сообщества на факт влияния пространственно-временных ограничений деятельности человека на географические процессы. Результатом творческих усилий Т. Хагерстранда и его последователей стала разработка междисциплинарной методологии временной географии, основанной на таком исследовательском подходе, который учитывал бы пространственно-временные свойства реальности. Основными концептуальными рамками такого подхода как раз и послужили достижения релятивистской физики и ее математического каркаса, что и отмечает географ, например в своей автобиографической статье⁶. Сторонники данного подхода до сих пор особо подчеркивают методологический потенциал временной географии для социально-гуманитарных исследований (по значимости сравнивая ее, например, с социальным интеракционизмом и его методами) и заявляют о больших возможностях соответствующей четырехмерной онтологии⁷.

Именно этот фундаментализм Т. Хагерстранда привлек внимание Э. Гидденса к его учению. «Хагерстранд полагает, — резюмирует социолог, — что вышеперечисленные аспекты “временной географической реальности” символизируют материальные оси человеческого бытия и лежат в основе всех без исключения ситуаций взаимодействия в условиях соприсутствия»⁸. Э. Гидденсу не чужд такой взгляд на вещи, однако он усматривает здесь некоторую концептуальную ограниченность: физические пространство и время, говорит социолог, и правда важны для объяснения существования структурных образований в социальном простран-

⁶ Hägerstrand, T. In Search for the Sources of Concepts // *Buttimer, A. The Practice of Geography* / Edited by A. Buttimer. — New York: Longman, 1983. — P. 238-256.

⁷ Thrift, N. *Torsten Hägerstrand and Social Theory* // *Progress in Human Geography*. — June 2005. — Vol. 29(3). — P. 337-338.

⁸ Гидденс, Э. Устроение общества: Очерк теории структуриации. — М.: Академический Проект, 2005. — С. 176.

стве и времени (например, они позволяют понять существование социальных институтов, которые обычно обладают определенной структурой в физическом пространстве и характеризуются сохранением этой структуры – в основном за счет социальных взаимодействий – с течением физического времени).

Но было бы ошибочным, развивая свою мысль социолог, заключать отсюда, что существование социальных структур обусловлено преимущественно физическим пространством-временем, каковые выводы напрашиваются из учения Т. Хагерстранда – поскольку не меньшую, если не большую, роль в процессе структуризации играет также, к примеру, индивидуальная и коллективная память, устные традиции и письменные свидетельства⁹.

Отмеченное замечание можно дополнить мыслью еще одного известного географа, Д. Харвея, о том, что пространственная диффузия инноваций связана, таким образом, с социальными процессами распространения информации. Скорость распространения информации в физическом пространстве-времени в пределе равняется скорости света, тогда как в социальном пространстве-времени эта скорость значительно ниже в силу крайней вариативности общественных процессов относительно времени. Распространение информационного сигнала субъектами социальной деятельности в конечном счете можно было бы изучать как, говоря словами Т. Хагерстранда, множество «линий жизни» данных субъектов, но аналитические разработки в данной области нуждались бы в колоссальных технических возможностях¹⁰.

Таким образом, «...школа “временной географии”», – по Э. Гидденсу, – использует упрощенное и явно недостаточное представление о субъекте деятельности»¹¹. Но основная критика социального теоретика сводится к тому, что «субъекты деятельности рассматриваются им (Т. Хагерстрандом. – О. Г.) как целеустремленные создания в том смысле, что в своих действиях они руководствуются “проектами”, которые пытаются реализовать», однако при этом «...сущность и происхождение этих проектов не объясняются»¹².

Э. Гидденс, в свою очередь, средствами теории структуризации пытается заполнить этот пробел и объясняет происхождение «проектов» влиянием существующей социальной реальности. Для пояснения отличий своего подхода от подхода временной географии теоретик приводит в ка-

⁹ Giddens, A. Op. cit.

¹⁰ Харвей, Д. Научное объяснение в географии: Общая методология науки и методология географии / Сокр. пер. с англ. В.Я. Барласа, В.В. Голосова; Предисл. и ред. Е.П. Никитина. – М.: Прогресс, 1974. – С. 213-214.

¹¹ Гидденс, Э. Указ. соч. – С. 183.

¹² Там же.

честве примера такой объект реальности (физической и социальной), как дом. Последний может быть описан, с одной стороны, с точки зрения его физических характеристик и свойств материального мира, а с другой, с точки зрения наблюдателя, отдающего себе отчет в том, что дом «...есть “жилище”, обладающее рядом свойств и отличительных качеств, обусловленных способами его использования в человеческой деятельности»¹³. Временная география, согласно Э. Гидденсу, упускает из виду этот важный «субъектный» аспект объяснения социальной реальности, в противоположность чему теория структуриации могла бы считаться полным и всеохватывающим социально-теоретическим объяснением.

Обобщая критические замечания в адрес временной географии, можно согласиться, что ей не удалось всецело внести временное измерение, во многом связанное с субъективными особенностями восприятия и действия, в свою онтологию: «распаковав» жизненный путь человека в трехмерное пространство, она тем самым встроила туда его жизненный мир, в результате чего остались все те же три пространственных измерения. Тем не менее, учение Т. Хагерстранда и его преемников все же оставляет возможность для ввода времени в социальную онтологию — при условии принятия к сведению того, что человек может чувствовать и переживать, посещая какое-либо место в то или иное время¹⁴ (тогда как в соответствии с концепцией Э. Гидденса пространство-время уже принимает полноправное участие в регулировании «социальных настроек» — а именно через организацию повседневной жизни человека): главное при этом — не забывать о том, что «география» не равняется «науке о пространстве», равно как и «история» не равняется «науке о времени».

Категория хронотопа в структуре социально-теоретического знания.

Однако, как мы знаем, критические замечания по данному вопросу не обошли стороной и учение о структуриации. Некоторые исследователи усмотрели теперь уже за самой концепцией Э. Гидденса претензию на то, чтобы создать некую «науку о пространстве-времени» вообще — на этот раз из теоретической социологии. «...В стремлении подорвать социальную реальность залпами своей концепции он... отказывается единым зрелищным взрывом покончить с Теорией Всего», — не без иронии подмечает Д. Грегори¹⁵. И добавляет: Гидденс не сумел выйти за пределы географич-

¹³ Там же. — С. 185.

¹⁴ Kwan, M.-P. *Geo-Narrative: Extending Geographic Information Systems for Narrative Analysis in Qualitative and Mixed-Method Research* / M.-P. Kwan, G. Ding // *The Professional Geographer*. — November 2008. — Vol. 60(4). — P. 449.

¹⁵ Gregory, D. *Presences and Absences: Time-Space Relations and Structuration Theory* // Held, D. *Op. cit.* — P. 185-186.

ческой традиции, что наложило существенные ограничения также и на теорию структуриации. В частности, это означает, что теория структуриации в своем нынешнем виде мало чем отличается от существующего в науке аналитического изучения пространства. Она мало что может сказать о значимости восприятия реальных и символических пейзажей в воспроизводстве социальной жизни, вместо этого продолжая рассуждать о проблеме порядка как некоей схемы. Даже географ Харвей, подытоживает критик, «...выходит за пределы ограничений, налагаемых проблематикой науки о пространстве, Гидденс же нет: теории структуриации практически нечего сказать о “производстве пространства”»¹⁶.

Таким образом, добавляет уже Н. Грегсон, мы можем отнести теорию структуриации к теориям, что называется, «второго порядка»: ее задачи определяются не теоретическим объяснением уникального – каких-либо событий, стечения обстоятельств в конкретном месте и периоде времени, – но концептуализацией самых общих составляющих социума – деятельности, структуры, времени, пространства и т.д.¹⁷

Для обоснования справедливости такой критики стоит еще вспомнить замечания Ю. Хабермаса в адрес теории структуриации. Как мы знаем, автор «теории коммуникативного действия» выдвигает в этой связи те свои аргументы, которые связаны с необходимостью философского понимания не только соотношения социальной и физической, но также социальной и психической реальности. Без последнего, строго говоря, философское понимание как целостное и наиболее общее видение взаимоотношений человека и окружающей его реальности, в том числе социальной, – невозможно в принципе; в этом случае оно будет учитывать лишь достижения наук о природе, но не наук о культуре, сужаясь, таким образом, с социальной философии до некоей «социальной науки».

Для иллюстрации такого рода аргументов можно привести пример использования в социально-теоретическом исследовании категории хронотопа как противоположности традиционно-научному представлению о пространстве-времени. С этой целью имеет смысл сопоставить результаты изучения некоторых аспектов такой, например, социальной системы, как школа, – коллективом специалистов в социально-гуманитарных областях науки, с одной стороны, и Э. Гидденсом, с другой.

Исследователи К. Кумпулайнен, А. Миккола и А.-М. Ятинен рассматривают некоторый период из жизни школьников с точки зрения простран-

¹⁶ Ibid. – P. 187.

¹⁷ Gregson, N. *On the (Ir)Relevance of Structuration Theory to Empirical Research* // Held, D. Op. cit. – P. 245.

ственно-временной организации их деятельности, описанной с учетом особенностей восприятия пространства и времени самими учащимися; тогда как Э. Гидденс в аналогичном ракурсе рассматривает некоторые эпизоды школьной жизни без учета таковых особенностей. Пространство-время школьной жизни при этом в первом и во втором случае демонстрирует две разных совокупности своих характеристик, как если бы речь шла о различных пространственно-временных континуумах, а не просто о пространстве-времени существования такого объекта, как школа, который в каждом случае «...обладает рядом свойств и отличительных качеств, обусловленных способами его использования в человеческой деятельности»¹⁸.

Для Э. Гидденса пространство и время жизни школы отличаются от физического пространства и времени лишь количественно, с точки зрения архитектурной организации школьного здания, в котором выделены некоторой вместимости помещения, и режимной организации времени, разбитого на уроки и перемены определенной длительности¹⁹. В ракурсе же рассмотрения пространства-времени школы как хронотопа время и пространство школьной жизни постоянно претерпевают также и качественные изменения. В противоположность пространству и времени как формам существования материи хронотоп как форма организации человеческой активности отражает то, как пространство-время может изменяться, в данном случае, в учебном классе: оно может становиться неупорядоченным, запутанным, множественным или, наоборот, неполным, может быть внутренне рассогласованным и т.д.²⁰ Так или иначе, категория хронотопа — принесенная на почву литературоведения М. Бахтиным с той оговоркой, что это не затронет вопросов, связанных с другими сферами культуры²¹ — дает, однако, многообещающие всходы на почве других наук о культуре, обнаруживая такие же закономерности, что и в литературоведении. А именно те, что «...время как четвертое измерение пространства... сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории»²². То есть «неразрывность пространства и времени» понимается здесь не просто как «время-пространство», все те же разделенные и лишь совместно упоминаемые время и пространство, но как «вре-

¹⁸ Гидденс, Э. Указ. соч. — С. 185.

¹⁹ Там же. — С. 204-210.

²⁰ Kumpulainen, K. *The Chronotopes of Technology-Mediated Creative Learning Practices in an Elementary School Community* / K. Kumpulainen, A. Mikkola, A.-M. Jaatinen // *Learning, Media and Technology*. — 2013. — Vol. 39(1). — P. 57.

²¹ Бахтин, М.М. Указ. соч. — С. 235.

²² Там же.

мя-пространство», характеризующееся «слиянием пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом»: «приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем»²³.

Ю. Хабермас, со ссылкой на А. Гелена, однажды указал на такую закономерность, что рука об руку с развитием истории человечества идет также и процесс объективации человеческой деятельности в обществе: «...человеческий род как бы последовательно проецирует на плоскость технических средств элементарные составные части функциональной сферы целерационального действия, зафиксированной прежде всего в человеческом организме, и освобождает сам себя от соответствующих функций... Сначала происходит усиление и замещение функций двигательного аппарата (рук и ног), затем — производство энергии (человеческого тела), потом — функций чувствительного аппарата (глаз, ушей, кожного покрова), и, наконец, функций центра управления (головного мозга)»²⁴.

Продолжая мысль философа, можно добавить, что, помимо домкратов, электростанций, видеокамер и ЭВМ, существенно модифицировавших социальное пространство в наше историческое время, сложно сегодня представить себе социальную активность без таких достижений научно-технического прогресса, как средства массовой коммуникации и сеть Интернет. Какие же в таком случае функциональные сферы человеческой активности они замещают?

Ответ на этот вопрос и дают К. Кумпулайнен с соавторами, подробно описывая на примере жизни школы и хронотопа учебного класса те процессы «производства пространства», которые не смог уловить «невод» теории структуризации Э. Гидденса. Указанные средства обмена информацией, и в первую очередь Интернет, замещают, или, точнее, дополняют, те функциональные области человеческой деятельности, которые Ю. Хабермас противопоставил целерациональному действию, традиционно изучаемому «социальной наукой».

Речь идет о коммуникативном действии, обусловленном психологическими потребностями человека в общении, взаимопонимании и прочих субъективно значимых и качественно различимых проявлениях его социальной активности. Если раньше объективацией коммуникативных актов — интеракций — мог считаться в основном только лишь язык и так называемая «наррация» («специализированная форма констатирующей

²³ Там же.

²⁴ *Хабермас, Ю.* Техника и наука как «идеология» / Пер. с нем. М.Л. Хорькова. — М.: Практик, 2007. — С. 59.

речи, служащая для описания социокультурных событий и объектов»²⁵), что, конечно же, не могло удовлетворить приверженцев наук о природе и традиционно аналитической научности социального знания, то теперь объективацией интеракций и жизненного мира в целом может считаться также и Всемирная паутина. А это уже гораздо более осязаемый довод в пользу социально-теоретической значимости наук о культуре и их категориально-логического аппарата: попытки привнести «...временно-пространственные отношения... в самое сердце социальной теории» не должны ограничиваться временно-пространственными отношениями физической реальности, но в равной степени должны учитывать особенности пространства и времени жизненного мира.

Научно-техническая объективация жизненного пространства-времени, во многом теперь, как мы увидели, оказавшаяся завязанной на человеческое «психэ»: на особенности восприятия, коммуникативные потребности, индивидуальную и коллективную память, устные традиции и т.д. — заметно раздвигает горизонты социально-теоретического и философского познания. Полноправное использование категории хронотопа, например в социальном исследовании К. Кумпулайнен, позволило ей и соавторам обратить внимание на те особенности пространства и времени жизненного мира учащихся, которые ускользнули от анализа школьной жизни Э. Гидденсом. В первую очередь, это отразилось уже в самом ракурсе видения школьной ситуации, затем в логике рассуждения и объяснения ученых и, наконец, в обобщающих выводах о пространстве-времени жизни социума.

Общетеоретическое и социально-философское значение категории хронотопа. Исследовательское внимание К. Кумпулайнен привлекли, главным образом, акты вербальной интеракции между самими школьниками, тогда как Э. Гидденса больше заинтересовал обмен нарративными высказываниями учеников с учителем. Соответственно, в первом случае в фокус внимания ученых попадает пространство и время коммуникации учащихся (конкретно — ситуация совместной учебно-творческой деятельности по созданию сценария школьного мюзикла), причем в рамках исследовательского проекта данная деятельность поддерживается бесперебойным круглосуточным доступом учеников ко Всемирной паутине и необходимым программным обеспечением. Научный коллектив при этом изучает особенности восприятия школьниками пространства и времени совместной творческой активности и в этой связи анализирует «хронотоп технологически опосредованного творческого обучения в школьном сообществе».

²⁵ Habermas J. *The Theory of Communicative Action. Volume 2: Lifeworld and System: A Critique of Functionalist Reason* / Trans. by T. McCarthy. — Boston: Beacon Press, 1987. — P. 136.

Подобно Э. Гидденсу, авторы проекта отмечают, что, «будучи в течение некоторого времени связанным с социально значимыми возможностями использования»²⁶, пространство становится конкретным местом (вспомним пример Э. Гидденса с домом). Однако в отличие от автора теории структуриации они также особо подчеркивают тот факт, что в зависимости от скорости и интенсивности протекания творческой деятельности школьников их хронотоп может тем или иным образом деформироваться, причем такие ситуативные метаморфозы разворачиваются под влиянием прошедшего, настоящего и будущего времени²⁷.

Такого рода явление ученые непосредственно связывают (подобно И. Канту) с субъективными особенностями восприятия и активности учащихся, и при этом (подобно М. Бахтину) – с объективными (точнее, объективированными) свойствами хронотопа в пространстве и времени школьного сообщества. С этой точки зрения, хронотоп есть не только форма существования материи, и даже не только форма чувственного созерцания, но и особая форма организации человеческой деятельности²⁸.

Категорию хронотопа в таком ее понимании отличает то, что она позволяет объяснить «производство пространства» социума в связи с внутрипсихическими процессами человеческой активности (отсутствие какого объяснения как раз и ставилось в упрек Э. Гидденсу): учитывая не только целерациональное, но и коммуникативное действие человека, хронотоп выявляет для нас то невидимое нечто, которым «цементируется» единое социальное пространство с течением исторического времени и которое в наши дни объективировалось в виде Всемирной паутины и сетей массовой коммуникации, то, чем деятельность индивида в обществе не просто сопровождается, но и обуславливается – такими психологически значимыми потребностями и стремлениями человека, как «совместная деятельность и ее оценивание..., оказание взаимной стимулирующей поддержки..., выражение просьбы о помощи и о новых творческих идеях...»²⁹.

Если теория коммуникативного действия указывает на то, что сугубо внутренние переживания человека влияют, посредством его деятельности, на организацию и функционирование общества, а затем и окружающей физической среды, то категория хронотопа показывает, как именно они влияют. Субъективные представления человека о прошлом, настоящем и будущем, соответствующие переживания, вызванные этими пред-

²⁶ Kumpulainen, K. Op. cit. – P. 56.

²⁷ Ibid. – P. 56-57.

²⁸ Ibid. – P. 56.

²⁹ Ibid. – P. 63.

ставлениями, способны корректировать деятельность человека не меньше, чем объективно существующие в пространстве факторы, и соответственно этому модифицировать, «интенсифицировать, втягивать в движение времени» наличное пространство.

«Таким образом, обозначенный хронотоп технологически опосредованного творческого обучения можно описать с точки зрения практик взаимного соединения и сращивания модальностей и средств коммуникации»³⁰. В отличие от традиционно аналитических категорий пространства и времени в основе изучения социальных систем, хронотоп является собой категориальный синтез пространства социального и времени исторического. Его использование в качестве категории жизненного пространства-времени школьного сообщества влечет за собой весьма любопытные наблюдения, такие, например, как выводы об особой субъективной значимости работы одновременно с общением, подвижных временных и пространственных границ работы и отдыха, переменной интенсивности работы в зависимости от физического и эмоционального состояния в течение учебного дня, возможности выражать эмоции (к примеру, в письменных нарративных высказываниях использовать «эмотиконы» и «маркеры дискурса»³¹), а также такого примечательного явления, как «возникновение новых идей вслед за возникновением идей у кого-то еще»³².

Э. Гидденс же, придерживаясь своей позиции, сосредотачивает внимание в основном на взаимодействии учеников с учителем, и, закономерно, приходит к совершенно иным выводам относительно организующего начала в жизни общества, мотивов человеческой деятельности, а также фундаментальных свойств жизненного пространства-времени.

Руководствуясь естественнонаучными взглядами на природу социального пространства и исторического времени, теоретик структуризации стремится подогнать объяснение коммуникативного действия в школьном сообществе под мерки прокрустова ложа пространства и времени физического — хотя бы и в его релятивистской трактовке. По признанию самого социолога, он, подобно Т. Хагерстранду (в духе теории относительности), смотрит на социальные процессы «со стороны», но при этом, в отличие от Т. Хагерстранда, смотрит на них еще и «сверху»³³. Согласно убеждению Э. Гидденса, такой взгляд на вещи обеспечивает ему полное и всестороннее видение сущности пространственно-временной организации школьной

³⁰ Ibid. — P. 68.

³¹ Неформальные приветствия, «смайлики» и т.д.

³² Ibid. — P. 67.

³³ Гидденс, Э. Указ. соч. — С. 204.

жизни, в соответствии с которым упорядочение времени и пространства школы опирается на регионализацию пространства школьного здания (взгляд «со стороны») и хронологию часового времени (взгляд «сверху»).

Однако отсутствие взгляда «изнутри» влечет за собой довольно противоречивые результаты анализа жизни школьного сообщества: например, рассматривая ситуацию начала учебного дня, Э. Гидденс, ссылаясь на Э. Полларда, вроде бы, с одной стороны, признает, что утренний обмен приветствиями и шутками среди учеников и между ними и учителем — это «...действия переднего плана, цель которых — создать рабочую обстановку и ориентировать учеников на совместную работу, основанную на принципах сотрудничества и поддержки»³⁴. Но при этом, с другой стороны, на заднем плане данного коммуникативного действия скрывается его отнюдь не лицепрятный смысл: такого рода интеракция между учениками и учителем для них «является первым “залпом” ежедневного “сражения”», «демонстрацией вышестоящий власти» педагога, неявным поборничеством «строгой дисциплины и жестких мер» под флером «атмосферы сотрудничества» и, в целом, воплощением дисциплинарной власти³⁵.

Надо полагать, что ситуация совместного учебного творчества, рассмотренная в предыдущем примере (постановка школьного мюзикла), в интерпретации Э. Гидденса могла бы предстать не иначе как в качестве ситуации всеобщей конкуренции, разделения сфер влияния — да и практически «холодной войны».

Различные подходы к пониманию пространства-времени социальной системы влекут за собой в корне различные выводы относительно фундаментальных категорий социальной онтологии. Разница в понимании пространства и времени науками о природе и науками о культуре хорошо осознавалась уже и некоторыми представителями естественнонаучного крыла с его методологией познания реальности, что выразилось в предостережениях по поводу чрезмерного энтузиазма от передовых релятивистских идей пространственно-временного континуума. Так, Н. Бор в своих поздних статьях неоднократно отмечал, что представление о времени как о четвертом измерении пространства по-прежнему сохраняет «резкое разделение на пространство и время»³⁶, прочно закрепившееся в науке с эпохи механицизма, притом что «при механистическом понима-

³⁴ Там же. — С. 208.

³⁵ Там же. — С. 208-210.

³⁶ Бор, Н. Можно ли считать квантовомеханическое описание физической реальности полным // Бор, Н. Избранные научные труды: В двух томах. Т. II: Статьи. 1925-1961 / Под ред. И.Е. Тамма, В.А. Фока, Б.Г. Кузнецова. — М.: Наука, 1971. — С. 190.

нии природы линия раздела субъект – объект фиксирована; признание того, что последовательное применение наших представлений требует иногда другого проведения этой границы, как раз и освобождает место для расширения описания»³⁷.

Именно такая подвижность границ при изучении человекоразмерных явлений и может быть запечатлена в понятии хронотопа как категории социальной онтологии и эпистемологии. При использовании категории хронотопа «вместо физических характеристик и традиционного противопоставления “субъект-объект”, ставшего главным “маркером” традиционного гносеологизма, перед нами открываются принципиально иные представления о взаимоположенности человека и мира»³⁸. Адаптируя понятие хронотопа к специфике наук о культуре, М. Бахтин особое значение придал³⁹ «...“умению видеть время”; идее о зримой форме времени в пространстве; о полноте времени как синхронизме...»⁴⁰.

Применительно к социальной действительности образ времени, текущего единым непрерывным потоком, снимает многие противоречия соответствующего научного и философского познания – подобные субъект-объектным противоречиям «структуриации» социального, физического и психического, – а такая «зримая форма времени в пространстве», такая более чем осязаемая форма единого времени в социальном пространстве, как средства массовой коммуникации и сеть Всемирной паутины, ни много ни мало, заставляет нас, таким образом, переосмыслить некоторые широко признанные положения социальной онтологии и принципы современного устройства системы общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бахтин, М.М.* Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // *Бахтин, М.М.* Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М.: Худ. лит., 1975. – 502 с.
2. *Бор, Н.* Можно ли считать квантовомеханическое описание физической реальности полным // *Бор, Н.* Избранные научные труды: В двух томах. Т. II: Статьи. 1925-1961 / Под ред. И.Е. Тамма, В.А. Фока, Б.Г. Кузнецова. – М.: Наука, 1971. – С. 180-191.
3. *Гидденс, Э.* Устроение общества: Очерк теории структуриации. – М.: Академический Проект, 2005. – 528 с.
4. *Микешина, Л.А.* Опыт постижения времени в логике и гуманитарном знании // *Философия науки и техники.* – 1998. – Т. 4, №1. – С.150-160.
5. *Хабермас, Ю.* Техника и наука как «идеология» / Пер. с нем. М.Л. Хорькова. – М.: Праксис, 2007. – 208 с.

³⁷ Там же.

³⁸ *Микешина, Л.А.* Указ. соч. – С. 156.

³⁹ На примере изучения биографического пространства и времени работ И. Гете.

⁴⁰ Там же. – С. 157.

6. Харвей, Д. Научное объяснение в географии: Общая методология науки и методология географии / Сокр. пер. с англ. В.Я. Барласа, В.В. Голосова; Предисл. и ред. Е.П. Никитина. — М.: Прогресс, 1974. — 502 с.
7. Giddens, A. *A Contemporary Critique of Historical Materialism. Vol. 1: Power, Property and the State*. — Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1981. — 294 p.
8. Gregory, D. *Presences and Absences: Time-Space Relations and Structuration Theory* // Held, D. *Social Theory of Modern Societies: Anthony Giddens and his Critics* / Edited by D. Held, J.B. Thompson. — Cambridge: Cambridge University Press, 1989. — P. 185-214.
9. Gregson, N. *On the (Ir)Relevance of Structuration Theory to Empirical Research* // Held, D. *Social Theory of Modern Societies: Anthony Giddens and his Critics* / Edited by D. Held, J.B. Thompson. — Cambridge: Cambridge University Press, 1989. — P. 235-248.
10. Habermas J. *The Theory of Communicative Action. Volume 2: Lifeworld and System: A Critique of Functionalist Reason* / Trans. by T. McCarthy. — Boston: Beacon Press, 1987. — 457 p.
11. Hägerstrand, T. *In Search for the Sources of Concepts* // Buttner, A. *The Practice of Geography* / Edited by A. Buttner. — New York: Longman, 1983. — P. 238-256.
12. Held, D. *Social Theory of Modern Societies: Anthony Giddens and his Critics* / Edited by D. Held, J.B. Thompson. — Cambridge: Cambridge University Press, 1989. — 311 p.
13. Kumpulainen, K. *The Chronotopes of Technology-Mediated Creative Learning Practices in an Elementary School Community* / K. Kumpulainen, A. Mikkola, A.-M. Jaatinen // *Learning, Media and Technology*. — 2013. — Vol. 39(1). — P. 53-74.
14. Kwan, M.-P. *Geo-Narrative: Extending Geographic Information Systems for Narrative Analysis in Qualitative and Mixed-Method Research* / M.-P. Kwan, G. Ding // *The Professional Geographer*. — November 2008. — Vol. 60(4). — P. 443-465.
15. Thrift, N. *Torsten Hägerstrand and Social Theory* // *Progress in Human Geography*. — June 2005. — Vol. 29(3). — P. 337-340.